

Русскій расколъ и вселенское православіе ¹⁾.

Изъ не особенно широкой области общихъ вопросовъ богословской мысли, непосредственно соприкасающихся съ спеціальными задачами историческаго изученія нашего старообрядческаго раскола, трудно, мнѣ кажется, подыскать другой предметъ, болѣе общій по своему *богословскому* интересу и вмѣстѣ съ тѣмъ — болѣе подходящій для даннаго случая, чѣмъ тотъ, разъясненіе котораго я буду имѣть честь предложить просвѣщенному вниманію моихъ слушателей. Вселенское православіе и русскій расколъ... два понятія, издавна знакомыя каждому изъ насъ, но — быть можетъ — не всегда ясныя въ своемъ взаимномъ соотношеніи; два явленія церковно-исторической жизни, глубоко различныя между собою и какъ бы намѣренно сопоставляемыя въ нашемъ сознаніи церковно-историческими воспоминаніями недавно пережитыхъ дней. Ежегодно въ началѣ Великаго поста совершаетъ Церковь свое обычное „торжество православія“, — торжество Божіей правды надъ суетностію и челоувѣческихъ измышленій, встающихъ въ ея историческомъ прошломъ, какъ печальная тѣнь, отбрасываемая челоувѣческимъ несовершенствомъ подъ сіяньемъ Божественной истины. Религіозно настроенная мысль невольно обращается къ этимъ воспоминаніямъ и хочетъ уяснить, въ чемъ собственно состоитъ коренная *вина* этихъ челоувѣческихъ за-

¹⁾ Публичное богословское чтение, произнесенное, съ несущественными перемѣнами, въ залѣ Московскаго Синодалн. училища церк. пѣнія въ четвергъ 2-й недѣли В. поста, 26 февр. 1898 г. При печатаніи этого чтенія признано не излишнимъ дополнить основной текстъ его примѣчаніями, содержащими ссылки на матеріалы и пособія, а также — поясненіе нѣкоторыхъ частностей, въ самомъ чтеніи затронутыхъ по необходимости лишь кратко и мимоходомъ.

блужденій, осуждаемыхъ Церковью, въ чемъ ихъ тяжкій *грѣхъ* противъ нея, вызвавшій ихъ отторженіе отъ полноты благодатной жизни? Вопросъ, возбуждаемый памятью о далекомъ прошломъ, можетъ получить оттѣнокъ скорбнаго недоумѣнія при мысли о томъ обществѣ людей, единыхъ съ нами по національности и близкихъ по вѣрѣ, которые, однако, не имѣютъ общенія съ нами въ религіозной жизни, осужденные Церковью во имя православія. Въ чемъ ихъ вина передъ нею? въ чемъ основной грѣхъ нашего старообрядческаго раскола и его существенное отличіе отъ православія, которые могли заставить церковную власть произвести надъ нимъ свой судъ и произнести слово осужденія? Вотъ вопросъ, выясненіе котораго представляется мнѣ благовременнымъ въ эти дни и не неумѣстнымъ въ настоящемъ собраніи.

I.

Я долженъ начать съ выясненія понятія о *вселенскомъ православіи*, въ отношеніи къ которому всякая форма противцерковнаго заблужденія мыслится какъ его отрицаніе и противоположность. Идея вселенскаго православія открывается съ достаточною полнотою изъ разсмотрѣнія понятія о Церкви, какъ богочеловѣческомъ организмѣ, или — по апостолу — *тѣлѣ Христовомъ* (Ефес. 1, 22—23), воспринимающемъ и воплощающемъ въ своихъ органахъ, членахъ церковнаго челоуѣчества, начала высшей, божественной жизни.

Церковь Христова въ своемъ *внутреннемъ существѣ*, въ основныхъ началахъ своей жизни, данныхъ Господомъ на всѣ времена при самомъ ея возникновеніи, всегда свята и совершенна, какъ омытая честною кровію Христа, обладающая полнотою богооткровенной истины и освящаемая благодатию присно-живущаго въ пей Св. Духа; и все, что прямо вытекаетъ изъ этого ея божественнаго начала, есть свято, непорочно и *неизмѣнно*. Но это свойство неизмѣнности и совершенства не можетъ быть распространяемо и ва всѣ безъ исключенія видимыя формы, въ которыя облекается вѣчная благодать и истина Церкви въ ея *историческомъ обнаруженіи*. Словесныя формулы христіанскаго исповѣданія (за исключеніемъ вселенскихъ, соборами установленныхъ, символовъ) и видимыя формы церковныхъ об-

рядовъ и установленій (за исключеніемъ богоучрежденныхъ тайносовершительныхъ дѣйствій) представляютъ ту внѣшнюю оболочку, въ какую вмѣщается внутреннее существо церковной жизни въ мѣрѣ усвоенія его чувствомъ и сознаниемъ церковнаго человѣчества. Но все, что имѣетъ свое начало въ человѣческомъ творествѣ, хотя бы и совершаемое ради Церкви, неизбѣжно должно носить на себѣ отпечатокъ ограниченности, представлять нѣчто весьма относительное, непостоянное, не изначала *совершенное*, а лишь постепенно *совершенствующееся*. Въ историческомъ бытіи видимой Церкви, въ сферѣ взаимодействія божественнаго начала съ человѣческимъ, не можетъ быть указанъ такой моментъ, когда бы изначала данная полнота ея внутренняго содержанія *проявилась вся* во-внѣ, какъ нѣчто остановившееся и законченное: ибо „законченное есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *конечное*“, а благодать и истина безграничны и безконечны. Уже въ этомъ открывается для насъ, хотя и не вполне, *вселенскій характеръ Церкви* въ ея историческомъ явленіи. Въ непрерывномъ преемствѣ времени и поколѣній, въ „волнующемся и измѣнчивомъ потокѣ церковнаго человѣчества“ проявляется и воплощается вѣчное существо церковной жизни, развиваясь и совершенствуясь въ своихъ видимыхъ формахъ подобно тому, какъ малое зерно, заложенное въ постороннюю для него почву, постепенно—процессомъ органическаго роста—вбирая въ себя элементы изъ окружающей среды, развивается въ цѣлое дерево, широко раскидывающее во всѣ стороны свои могучія вѣтви. Основной типъ растенія и его существенныя части уже даны въ самомъ зернѣ, и дальнѣйшій его ростъ, тѣ или другія случайныя особенности его формы, смѣна коры и листьевъ — не мѣняютъ этого основного типа, не дѣлаютъ растенія инымъ по существу. И какъ ошибочно было бы, припоминая первоначальную форму зерна, считать всѣ появившіяся потомъ части растенія — корни, стволъ и листья — только искусственными, механическими придатками, не созданными внутренней жизненной силой самого растенія, такъ ошибочно было бы и наоборотъ — забывать о первоначальномъ зернѣ и его дальнѣйшемъ ростѣ, считая форму могучаго дерева изначальной и неизмѣнной. Это сравненіе Церкви, въ ея земномъ явленіи, съ растеніемъ, указанное самимъ Госпо-

домъ въ извѣстной притчѣ (о горчичномъ зернѣ), дать намъ возможность яснѣе представить себѣ вѣтную неизмѣнность существа церковной жизни при *необходимой* измѣнчивости ея внѣшнихъ историческихъ формъ. Въ непрерывно-текучей и измѣнчивой средѣ своихъ внѣшнихъ обнаруженій „одинъ и тотъ же вѣчно пребывающій въ Церкви Духъ Божій въ различной степени и различными способами раскрываетъ свое присутствіе *сообразно историческому положенію и призванію каждой эпохи*“²⁾, и первоначальные моменты этого раскрытія не отрицаютъ собою возможности дальнѣйшихъ моментовъ, равно какъ и эти послѣдніе по существу своему не являются противорѣчіемъ тому, что было изначала. Отсюда — основнымъ закономъ внутренней жизни Церкви, въ ея историческомъ явленіи, должно быть не то, чтобы во внѣшнихъ формахъ ея исповѣданія и обряда не происходило никакихъ перемѣнъ, а лишь то, чтобы вновь созидаемыя формы были выраженіемъ того же въ существѣ неизмѣннаго содержанія; и переданное отъ временъ отдаленной древности сохраняетъ свое значеніе не въ силу того, что оно *старо*, а потому и настолько, насколько оно является наилучшимъ и совершеннѣйшимъ выраженіемъ внутреннихъ основъ богочеловѣческой жизни Церкви³⁾.

Посетителями этой богочеловѣческой жизни, первоначальными клѣточками въ организмъ вселенскаго тѣла Христова являются, прежде всего, отдѣльныя человѣческія личности,

²⁾ *Вл. С. Соловьевъ*. — Религіозныя основы жизни, изд. 2-е, М. 1885, стр. 127.

³⁾ Не имѣя возможности на этотъ разъ войти въ болѣе подробное разъясненіе высказанныхъ здѣсь положеній, отсылаемъ читателей, кромѣ названнаго произведенія и нѣкоторыхъ другихъ статей *Вл. Соловьева*, къ трудамъ нашихъ историковъ-догматистовъ, въ частности—къ „Собранію символовъ и вѣронзложеній православной Церкви“ покойнаго *проф. Чмцова*, СПБ. 1869 (см особ. стр. 185 и слѣд.: замѣчанія, изложенныя здѣсь, касаются, правда, собственно лишь словесныхъ формулъ исповѣданія, разновремененно появившихся въ Церкви вѣронзложеній въ ихъ отношеніи къ неизмѣнной истинѣ догматовъ; но они въ равной мѣрѣ—и даже еще болѣе—примѣнимы и къ церковно-обрядовымъ формамъ, разсматриваемымъ какъ выраженіе внутреннихъ основъ церковной жизни). Нѣкоторыя данныя для выясненія этого предмета можно найти также въ изслѣдованіи архим. (нынѣ епископа) *Сильвестра*—Ученіе о Церкви въ первые три вѣка христіанства, Кіевъ 1872.

изъ которыхъ каждая призывается христіанствомъ къ источнику благодати и истины (Марк. XVI, 15). Но отдѣльная личность, входя въ составъ церковнаго единства, есть вмѣстѣ съ тѣмъ часть той или другой *національности*; послѣдняя же не есть только механическая группа разрозненныхъ единицъ, а нѣкоторое внутреннее *единство*, обладающее своеобразными особенностями такъ называемаго національнаго характера и проявляющее эти особенности въ разнообразныхъ сторонахъ національнаго творчества, въ фактахъ своей исторической жизни. Христіанство не отрицаетъ національности и, призывая въ свой составъ безразлично іудея и еллина, не мѣшаетъ каждому изъ нихъ быть тѣмъ или другимъ ⁴⁾, обращая и самыя особенности ихъ національнаго характера на служеніе своей вселенской идеѣ. При открывающейся, такимъ образомъ, возможности соединенія религіозной идеи съ національностью, послѣдняя перестаетъ быть лишь *этнографическимъ и историческимъ фактомъ*, становясь живымъ органомъ богочеловѣческой жизни Церкви; а сама Церковь, съ воспріятіемъ въ свою среду цѣлыхъ національностей, является не только какъ собраніе вѣрующихъ *лицъ*, но и какъ братскій союзъ *народовъ* въ грядущемъ обновленномъ единствѣ всего человѣчества.

Съ этой точки зрѣнія развитіе національнаго сознанія можетъ быть разсматриваемо, какъ прогрессъ не только въ естественной жизни народовъ, но и въ исторической жизни Церкви: ибо какъ въ отдѣльной народности единство и солидарность достигаются не нивелировкой личностей, а наоборотъ—полнымъ развитіемъ ихъ особенностей и обращеніемъ ихъ на служеніе общему интересу, такъ и въ жизни вселенской Церкви ея внутреннія основы выразятся тѣмъ

⁴⁾ Это видно, между прочимъ, изъ тѣхъ многочисленныхъ апостольскихъ наставленій, въ которыхъ содержатся увѣщанія христіанамъ подчиняться установленнымъ порядкамъ и паравѣ съ прочими гражданами повиноваться государственнымъ властямъ (1 Петр. II, 13--14; Римл. XIII, 1--5 и др.), откуда ясно, что Церковь можетъ существовать среди *всякаго* гражданскаго общества, каково бы оно ни было и гдѣ бы ни было (ср. указ. соч. архим. Сильвестра, стр. 83--4). Если же, такъ образ., принадлежностью къ Церкви не разрушаются гражданскія отношенія ея члена, то тѣмъ менѣе можно допустить, что эта принадлежность исключаетъ собою создаваемая самою природою связи по происхожденію и національности и обуславливаемая ими естественныя, природенныя свойства.

совершеннѣй и полнѣй, чѣмъ больше своихъ естественныхъ силъ принесеть человѣчество на служеніе Божію дѣлу. Но развитіе національнаго сознанія не должно вырождаться въ стремленіе отдѣльной народности противоположить себя цѣлому и видѣть въ себѣ самой высшую цѣль и конечное свое назначеніе. „Въ такомъ стремленіи—по выраженію одного изъ нашихъ мыслителей — *положительная сила народности превращается въ отрицательное усиліе націонализма*. Это есть народность, отвлеченная отъ своихъ живыхъ силъ, заостренная въ сознательную исключительность и этимъ остріемъ обращенная ко всему другому“⁵⁾. Такая исключительность, сопровождаемая безпредѣльнымъ національнымъ самомиѣніемъ и самодовольствомъ, тупымъ презрѣніемъ и слѣпой враждой ко всему чужому, является столь же опаснымъ заблужденіемъ для цѣлой націи, какъ эгоизмъ въ своемъ крайнемъ развитіи—для отдѣльнаго лица. Перенесенная же въ область религіозной жизни, такая исключительность представляетъ собою практическое отреченіе отъ вселенскаго христіанства и возвращеніе къ до-христіанскому (языческому и іудейскому) партикуляризму.

Сказаннымъ до сихъ поръ уже въ достаточной степени уясняется для насъ сущность церковнаго православія въ отличіе отъ разнообразныхъ типовъ противоцерковныхъ заблужденій. Воистину, Церковь православная не только въ своей основѣ—вѣчной и неизмѣнной, но и въ своемъ историческомъ явленіи есть *вселенская* или *каѳолическая*, не ограничивающаяся тѣми или другими временными и національными предѣлами. Богооткровенная истина и полнота божественной благодати, осуществляемая въ историческомъ бытіи Церкви, каѳоличны *во времени*, простираясь *каѳ'ѳлор хрѳтов*—чрезъ *всѣ* времена и лишь постепенно обнаруживая свою неисчерпаемую полноту въ совокупности своихъ многовѣковыхъ проявленій; онѣ каѳоличны и по *составу того человеческого общества*, которое въ каждый данный моментъ призывается быть носителемъ богочеловѣческой жизни Церкви: для *всѣхъ* племенъ и языковъ звучитъ божествен-

⁵⁾ Соловьевъ Вл. Великій споръ и христіанская политика, стр. 15--16, М. 1883 (оттискъ изъ газеты „Русь“ за тотъ же годъ).

ный призывъ къ познанію вѣчной истины и къ общенію въ дарахъ благодати. И потому одинаково искаженіемъ чистой каеолической православной идеи должна быть признана всякая попытка ограничить полноту церковной жизни — чрезъ внесеніе ли ея въ неподвижныя рамки предѣльныхъ хронологическихъ датъ, съ отрицаніемъ права на дальнѣйшее свободное и могучее развитіе внѣшнихъ словесныхъ и обрядовыхъ формъ, или чрезъ отождествленіе ея всенароднаго, вселенско-каеолическаго теченія съ узкимъ и загрязненнымъ націоналистическою исключительностью, мутнымъ ручьемъ народной жизни. Такихъ искаженій вселенскаго православія не мало представляетъ намъ историческая жизнь церковнаго челоуѣчества, и *нашъ такъ называемый старообрядческій расколъ есть именно одно изъ такихъ искаженій*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, попытаемся ближе вникнуть въ сущность этого своеобразнаго явленія.

Двѣсти сорокъ пять лѣтъ тому назадъ — въ 1653 г. — къ началу Великаго поста по московскимъ приходамъ разосланъ былъ патріаршій указъ („память“, по тогдашнему), содержащій предписаніе относительно двухъ несущественныхъ подробностей церковно-богослужбнаго обряда. Рѣчь шла о поклонахъ при чтеніи извѣстной молитвы св. Ефрема Сирина и о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія: въ томъ и другомъ отношеніи привычная въ то время практика замѣнялась другою, которая существовала въ церквахъ православнаго Востока и которая принята у насъ теперь. Современникъ, извѣстный въ свое время всей Москвѣ протопопъ Аввакумъ, передающій намъ кратко содержаніе „памяти“ ⁶⁾, сообщаетъ и о томъ впечатлѣніи, какое было произведено сю на него и его друзей, тоже не послѣд-

⁶⁾ Матер. для исторіи раск. за перв. время его существованія, изд. подъ ред. Н. Сувботина, т. V, стр. 18. Вотъ какъ передается здѣсь содержаніе „памяти“: „Годъ и число. По преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но гдъ поясь бы вамъ творити поклоны; еще и трема персты бы есте крестились“. Разумѣется, это не буквальный текстъ „памяти“, а только ея пересказъ, и при томъ весьма не точный: п. Пиконъ никогда не издавалъ, да и не могъ издавать *общаго* запрещенія класть въ церкви земные поклоны, какъ можно было бы заключать изъ приведенныхъ словъ и какъ увѣряли иногда раскольники, обвинявшіе его въ „непоклоннической ереси“.

нихъ людей въ средѣ тогдашняго московскаго духовенства. „Мы же задумалися, сошедшея между собою,—разсказываетъ онъ: видимъ, яко зима хочеть быти; сердце озябло и ноги задрожали“. Смущенный и напуганный неожиданнымъ дыханьемъ будто-бы еретической зимы, повѣявшей на него отъ патріаршаго указа о перстахъ и поклонахъ, другъ рассказчика, протопишъ Иванъ Нероновъ уединяется на молитву и недѣльный постъ въ кельѣ Чудова монастыря и въ концѣ своего семидневнаго искуса получаетъ откровеніе отъ Спасова образа: „Время приспѣ страданія; подобаетъ вамъ неослабно страдати“⁷⁾. Вскорѣ оказалось, что страдать предстоитъ не по человѣческому только злоухищренію, но и по Божию изволенію: когда въ слѣдующемъ году на небѣ появилось знаменіе („солнце померче, отъ запада луна подтекла“), а на Руси начался моръ, для людей, встревоженныхъ упомянутымъ распоряженіемъ патріарха, было ясно, гдѣ причина бѣдствія: это — гнѣвъ Божій, постигшій русскую землю за то, что „Никонъ-отступникъ вѣру сталъ казить и законы церковные“⁸⁾. Искаженіе вѣры состояло въ томъ, что на печатномъ дворѣ начали править по греческому тексту, заготовляя къ печати, а затѣмъ и дѣйствительно выпустили въ свѣтъ нѣсколько богослужебныхъ книгъ съ исправленіемъ орфографической ошибки въ имени Іисусъ (которое наши предки привыкли писать и произносить кратко: „Исусъ“) и съ другими переменными въ томъ же родѣ. Этого „новшества“ не могли потерпѣть ревнители благочестивой старины: они стали открыто заявлять, что новые справщики, „прелагатаи—богоборцы“, съ патріархомъ во главѣ, замыслили испорчить всю православную вѣру, слѣдуя давнишнему злокозпенному примѣру „дяди антихристова“ и его „предотечи“ — римскаго папы; что эти новые „римляне-воры“ всю церковь Хрѣстову „разорили зѣло и обезчестили“⁹⁾.

7) Тамъ же, стр. 18. - Въ письмѣ самого Неронова къ царскому духовнику Стефану Воиофатъену слова, слышанныя имъ, будто бы, отъ иконы, передаются такъ „Юанне, дерзай и не убойся до смерти; подобаетъ ти укрѣпити царя, да не постраждетъ днесь Русія, якоже и юниты“ (Матер. т. 1, стр. 99—100).

8) Матер. т. V, стр. 4 5.

9) Тамъ же, стр. 368.

Оставаться въ церковномъ единеніи съ такими „шишами антихристовыми“ казалось уже не безопаснымъ для душевнаго спасенія, и вожди протеста, вмѣстѣ съ своими послѣдователями, не задумались порвать опасный союзъ. Отдѣлившись отъ Церкви и осужденные затѣмъ ею, они составили самостоятельное общество ревнителей и поборниковъ „отце-преданной, древле-благочестивой старины“. — Такъ появился нашъ старообрядческій расколъ.

Всматриваясь въ это его историческое начало, православный человѣкъ нашего времени съ грустью и недоумѣніемъ останавливается предъ вопросомъ о томъ, какъ это люди, повидимому, искренно желавшіе стоять за православную святыню, разорвали свой союзъ съ Церковью и поставили ни во что дары божественной благодати изъ-за незначительныхъ перемѣнъ въ привычной формѣ обряда и типографскихъ поправокъ, относящихся больше къ правописанію, чѣмъ къ православію. Разгадка страннаго явленія заключается въ томъ, что въ сознаніи значительной части русскихъ людей указаннаго времени затемнилась великая идея вселенскаго православія и подмѣнилась представленіемъ о мѣстно-національной русской церкви, на обычай и установленія которой и была перенесена мысль о святости и неизмѣнности существенныхъ основъ церковной жизни. Эта подмѣна вселенской идеи однимъ изъ рѣзкихъ проявленій націонализма подготовлялась уже давно, всею предшествующею исторіею русскаго религіозно-національнаго сознанія, и не разъ находила себѣ яркія проявленія въ литературѣ и въ жизни древне-русскаго общества. Я постараюсь прослѣдить въ основныхъ чертахъ послѣдовательный ходъ этой подготовки и отмѣтить наиболѣе яркія и характерныя изъ этихъ проявленій.

II.

Не только при изученіи нашей прошлой церковно-исторической жизни, но и при выясненіи главнѣйшихъ моментовъ и факторовъ нашей гражданской культуры нельзя обойти того широкаго вліянія, какое оказано христіанствомъ почти на всѣ стороны жизни частной и общественной ¹⁰⁾. Носителями

¹⁰⁾ Разъясненію этого вліянія, кромѣ общихъ историческихъ трудовъ, посвящено нѣсколько изслѣдованій и статей, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣ-

этого вліянiя, яркими свѣточами христіанскаго сознанiя являются тѣ угодники Божiи, имена которыхъ сіяють въ нашемъ церковно-историческомъ прошломъ, окруженныя ореоломъ православной святости. Но уже при самомъ началѣ христіанства на Руси можно подмѣтить и цѣлый рядъ такихъ обстоятельствъ, которыя неизбѣжно должны были наложить нѣсколько своеобразную печать на религіозность народныхъ массъ и оказать замѣтное вліяніе на самый характеръ пониманiя и степень усвоенiя ими христіанскихъ началъ. Историческіе памятники, повѣствующіе о первоначальномъ распространенiи у насъ христіанства, не оставляютъ сомнѣнiя, что внѣшній успѣхъ христ. религіи не рѣдко опережалъ собою усвоеніе ея чувствомъ и вѣрою новыхъ ея послѣдователей ¹¹⁾. Русь по внѣшности довольно быстро становилась христіанскою; но подъ покровомъ внѣшнихъ формъ христіанскаго культа долгое время еще продолжаютъ сохраняться языческія понятiя и навыки ¹²⁾, вызывая тщетныя

тѣтъ здѣсь соч. *И. Балачева*—О значенiи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права, М. 1850; *Дубакѣва*—Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленiя Домостроя, Спб. 1880; актовую рѣчь проф. *В. О. Ключевскаго*—Содѣйствіе Церкви успѣхамъ гражданскаго права и порядка (Пріб. къ твор. св. оо. за 1888 г., ч. 42, стр. 382 - 412), проф. *К. П. Соколова*—О вліянiи Церкви на историческое развитіе права, стр. 65 и д. (изъ № 1 Моск. Унив. Извѣстiй за 1870 г.) и др.

¹¹⁾ Имѣеть въ виду главнымъ образомъ нѣкоторыя подробности въ общенiяхъ этихъ памятниковъ о крещенiи кiевлянъ: изъ этихъ сообщенiй мы узнаемъ, что одни изъ кiевлянъ шли по приказу князя на Днѣпръ, разсуждая: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре ирiали“; другіе же „аще и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещася, понеже бѣ благовѣріе его со властію сопряжено“ (см. проф. *В. Е. Голубинскаго*—Истор. русск. Церкви, т. 1, первая полов., стр. 175—6, М. 1880). Для тѣхъ и другіхъ, очевидно, внѣшній авторитетъ князя говорилъ болѣе убѣдительно въ пользу новой религіи, чѣмъ внутреннія качества самой этой религіи, мало доступныя пониманiю новыхъ послѣдователей. Въ дальнѣйшей исторiи распространенiя у насъ христіанства крещеніе новгородцевъ „огнемъ и мечемъ“ представляетъ, можно думать, не единственный случай чисто-внѣшней борьбы христіанской религіи съ древнимъ народнымъ язычествомъ (тамъ же, стр. 152; ср. *преосв. Макарія*—Ист. русск. Церкви, т. 1, изд. 2-е, стр. 10. 27—8, Спб. 1868).

¹²⁾ Этой устойчивости древне-языческихъ понятiй и навыковъ въ народной памяти, сознанiи и жизни не мало благопріятствовали какъ общiй невысокій уровень духовнаго развитiя нашихъ предковъ, такъ и самый

обличенія со стороны духовныхъ властей. Въ старинныхъ произведеніяхъ нашей письменности, спустя даже цѣлыя столѣтія послѣ начала христіанства на Руси, раздаются громкія сѣтованія на то, что въ простонародномъ сознаніи вѣра въ Бога и св. угодниковъ смѣшивается съ язычески-суевѣрными представленіями о лѣшихъ, домовыхъ и русалкахъ; что многіе христіане, съ женами и дѣтьми своими, позабыли объ истинахъ Христовой вѣры, о церкви Божіей и церковномъ правилѣ небрегутъ, къ божественному пѣнію и на покаяніе къ духовникамъ не ходятъ, а „молятся по сквернымъ своимъ мольбицамъ древесамъ и каменю“, призывая на эти мольбища „злодѣевъ — отступниковъ чудскихъ арбуевъ“; что своихъ покойниковъ они не привозятъ къ церкви и на погосты, а зарываютъ подъ

характеръ древне-русскаго язычества, съ его смутной первобытно-натуралистической мифологіей и несложнымъ культомъ домашняго очага. Такая религія, именно въ силу своего несовершенства, ближе стояла къ жизни и потребностямъ младенчествующаго народа; она не была такъ возвышенна, какъ христіанство, но и не такъ отвлечена въ своемъ вѣроученіи, и потому болѣе соотвѣтствовала невысокимъ запросамъ мало-развитой души. Отсутствіе вполнѣ сложившагося публичнаго культа (который еще только начиналъ складываться и существовалъ лишь въ самомъ первоначальномъ, зачаточномъ состояніи) также было весьма важнымъ обстоятельствомъ въ данномъ отношеніи. Благодаря этому обстоятельству, у насъ не могло быть упорной борьбы внѣшнихъ формъ богопочитанія христіанскаго и языческаго, въ которой рѣшительная побѣда неизбѣжно должна была остаться на сторонѣ перваго—какъ по его несомнѣнному внутреннему превосходству, такъ и потому, что на его сторону стала общественная власть со всеми находящимися въ ея распоряженіи средствами. При отсутствіи такой борьбы въ сферѣ, наиболѣе доступной чувству и пониманію эпохи, взаимная исключительность двухъ религій не могла обнаружиться во всей своей силѣ; не достаточно сознательно, иногда только въ силу внѣшняго предписанія принятый общественный христіанскій культъ легко уживался со старыми языческими навыками интимной жизни, какъ новая *дополнительная* форма религіозности, не исключавшая собою упомянутыхъ навыковъ (*Голубинскій*, цит. соч., 2-я полов., стр. 737—8).—Для выясненія характера и содержанія древне-славянскаго язычества обильнѣйшій матеріалъ представляетъ извѣстный трудъ *А. Н. Афанасьева*—Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 3 тома, М. 1866—9. На основаніи главнымъ образомъ этого труда систематическій обзоръ древне-русскихъ языческихъ вѣрованій, вмѣстѣ съ попыткою выясненія отношенія ихъ къ христіанству въ послѣдующіе вѣка религіозной жизни нашихъ предковъ, данъ въ соч. г. *М. Никифоровскаго*—Русское язычество, оныть популярнаго изложенія научныхъ свѣдѣній о языческой религіи русскихъ славянъ, СПб 1875.

курганами и „по коломищемъ“ при участіи тѣхъ же чудскихъ арбуевъ, которыхъ призываютъ и при рожденіи дѣтей—нарекать ихъ имена „свойски“, а христіанскихъ священниковъ къ тѣмъ младенцамъ призываютъ уже послѣ, отчего великое поношеніе бываетъ „истинной вѣры православному христіанству“¹³⁾. Подобныя обличенія, которыхъ не трудно было бы привести весьма не малое число, довольно ясно показываютъ намъ, какъ внѣшне принятыя и смутно понятая христіанскія начала укладывались въ сознаніи русскихъ людей рядомъ съ остатками стараго язычества, образуя вмѣстѣ съ ними тотъ странный, не исчезнувшій вполне и доселѣ тишь простонародной религіозности, который извѣстенъ подъ именемъ русскаго христіанско-языческаго *двоевѣрія*.—Для насъ, впрочемъ, важнѣе въ настоящемъ случаѣ другое слѣдствіе той же послѣшвой и не достаточно сознательной перемѣны религіи, выразившееся въ *перенесеніи чисто-языческой точки зрѣнія на пониманіе самого христіанства*. Характеристическую черту язычества, даже въ наиболѣе развитыхъ его типахъ (каково, напр., греко-римское язычество древняго міра), какъ извѣстно, составляетъ преобладаніе внѣшней формы культа надъ внутреннимъ содержаніемъ религіозной мысли и чувства: язычникъ не умѣетъ чтить своего бога иначе, какъ въ видимомъ образѣ и внѣшнихъ, строго-опредѣленныхъ формахъ; его молитва—не тотъ чистый порывъ духа къ Безконечному, какимъ является она у истиннаго послѣдователя религіи духа; молитва язычника—это рядъ сакральныхъ формулъ, условная комбинація словъ, магическій заговоръ, дѣйственная сила котораго зависитъ не отъ полноты внутреннаго настроенія, а отъ совершенной точности и неизмѣнности внѣшняго порядка словъ¹⁴⁾. Эта своеобраз-

¹³⁾ *Калачевъ*—О значеніи Кормчей, стр. 55.

¹⁴⁾ Даже представитель высшей до-христіанской языческой культуры, древній римлянинъ цвѣтущей эпохи считалъ совершенно бесплодною свою молитву и напраснымъ соединенное съ нею жертвоприношеніе, если случайно пропускалъ незначущее выраженіе въ молитвенной формулѣ или слѣблалъ въ ней неизмѣняющую смысла перестановку словъ, — даже если только не соблюлъ обычной интонаціи, съ какою должна быть прочитана требуемая молитва или заклинаніе (*архим. Хрисановъ*—Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству, т. II, стр. 612—613). А современ-

ная особенность религіознаго настроенія, характерная для язычества и совершенно чуждая духовному характеру христіанства, не могла не отразиться на религіозномъ пониманіи нашихъ полуязыческихъ народныхъ массъ, и это тѣмъ болѣе, что она—указавшая особенность—не встрѣчалась для себя противовѣса ни въ общемъ, весьма невысокомъ уровнѣ ихъ духовнаго развитія, ни въ благотворномъ вліяніи со стороны первыхъ нашихъ руководителей въ христіанской вѣрѣ и жизни, византійскихъ грековъ. Для послѣднихъ, уже завершившихъ къ тому времени цикл своего народно-политическаго развитія и вступившихъ въ пору старческаго одряхлѣнія, точно такъ же, какъ и для нашихъ только еще начинавшихъ свою культурную жизнь предковъ, готовые вѣроисповѣдныя формулы были болѣе доступны, чѣмъ богословскія умозрѣнія, внѣшнія обрядовыя формы—больше, чѣмъ духъ и жизнь. Естественно, что ученики не могли сразу стать въ этомъ отношеніи выше своихъ учителей; наоборотъ, въ виду всей совокупности историческихъ вліяній совершенно естественно было ожидать, что здѣсь обрядовое направленіе религіозности пойдетъ гораздо дальше, и что дѣйствительное *религіозно-психологическое значеніе церковнаго обряда* окажется крайне преувеличеннымъ въ сознаніи нашихъ предковъ. Такъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что церковный обрядъ, даже и не вытекающій непосредственно изъ божественнаго установленія (какъ важнѣйшія тайносовершительныя дѣйствія), не есть нѣчто совершенно случайное и произвольное. Та или другая обрядовая особенность, вырождающаяся обыкновенно изъ народно-бытовыхъ формъ, принимается и усваивается Церковью, какъ наилучшій для даннаго времени способъ *выраженія* извѣстной церковной истины и *охраненія* ее въ одинаково для всѣхъ доступномъ символическомъ знакѣ. Но то, что представляется наилучшимъ для даннаго времени, можетъ перестать быть таковымъ для послѣдующаго.

ный кочевой обитатель нашихъ стеней, полубуддистъ — полуязычникъ, вполне проникнутый тѣмъ же убѣжденіемъ во внѣшнемъ магическомъ дѣйствіи молитвенныхъ формулъ, считаетъ даже возможнымъ просто замѣнить рискованное чтеніе ихъ верченьемъ древянаго валика, на который наматывается бумажная лента съ текстомъ нужныхъ молитвъ.

Какъ человѣческая форма божественной истины, разъ принятый Церковью обрядъ сохраняетъ свое значеніе лишь настолько и до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшіе успѣхи религіознаго сознанія не вызовутъ къ бытію новыхъ, болѣе совершенныхъ обрядовыхъ формъ. Это *временное* значеніе обряда не можетъ быть вполне забыто тамъ, гдѣ „отъ вѣры шли къ обряду“ и въ немъ запечатлѣвали готовое, выношенное и выстраданное вѣрованіе ¹⁵⁾). Но напимъ отдаленнымъ предкамъ, не бывшимъ свидѣтелями этого процесса и видѣвшимъ передъ собою только готовый его результатъ, трудно было усвоить себѣ истинное значеніе обрядности, особенно когда все, какъ мы видѣли, настоятельно обращало ихъ мысль больше къ виѣшимъ формамъ новой религіи, чѣмъ къ ея внутреннему содержанію. Последнее какъ будто даже отступало на задній планъ; душа младенчески вѣрующаго новаго христіанина, принимая понятный для нея церковный обрядъ, какъ готовый и данный отвнѣ, привыкала видѣть въ немъ существенную часть новаго вѣрованія, его неотдѣлимую, цезамѣнимую принадлежность, и законное уваженіе къ церковному обряду вырождалось въ типическое, всѣмъ извѣстное *обрядовѣріе*. Тревожно волновались умы древне-русскихъ людей, смущенные „леонтіанскою ересью,“ не хотѣвшею разрѣшать постъ среды и пятка ради прилучившихся въ эти дни великихъ праздниковъ ¹⁶⁾, и заботливый „попийъ“ не безъ тревоги осведомлялся у своего епископа, можно ли по нуждѣ совершить литургію на одной просфорѣ ¹⁷⁾. Такъ уже при самомъ началѣ у насъ христіанства въ способѣ его усвоенія на-

¹⁵⁾ *Проф. В. О. Ключевскій* — Западное вліяніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ, историко-психологич. очеркъ, стр. 55, М. 1897 (отгискъ изъ журнала „Вопросы философіи и психологіи“). Ср. вообще къ только-что сказанному стр. 49—56 назв. статьи, представляющія блестящее по мысли и изложенію разъясненіе религіозно-психологическаго значенія церковной обрядности, какъ способа выраженія религіозной истины вначалѣ и какъ пропедевтическаго средства богопознанія для людей другаго времени и иной исторической обстановки.

¹⁶⁾ *Преоув. Макарій*—Ист. Русск. церкви, т. III, изд. 2-е, СПб. 1868 стр. 108.

¹⁷⁾ Въпрошаніе Кюриково, ст. 99,—Памятники древне-русск. канонич. права, изд. подъ редакц. *проф. А. С. Павлова* (Русск. Ист. Б—ка, т. VI), с. 50, СПб. 1880.

родною массою опредѣлилась особенность, открывавшая возможность смѣшать вѣдшее и *временное* съ существеннымъ и вѣчнымъ, т. е. затемнить истинную идею вселенскаго православія, втиснувши ее во временныя неподвижныя формы, что—какъ увидимъ—и случилось впоследствии.

Было въ ряду обстоятельствъ разсматриваемаго времени и еще одно, неблагоприятно отразившееся въ исторіи нашего религіознаго сознанія. Эпоха принятія и первоначальнаго распространенія христіанства на Руси, какъ извѣстно, совпадаетъ со временемъ наибольшаго обостренія церковныхъ отношеній между греческимъ востокомъ и латинскимъ западомъ. Уже со всею ясностію обнаружилась взаимная нетерпимость и близилась пора прискорбнаго, хотя и неизбежнаго разрыва двухъ половинъ христіанскаго міра, такъ называемое „раздѣленіе церквей“. Эта взаимная нетерпимость, со всѣми преувеличеніями раздраженной полемики, отразилась на той проповѣди христіанства, которая явилась къ намъ изъ Византіи. вмѣстѣ съ первыми уроками православія греки настойчиво старались внушить нашимъ предкамъ мысль о пагубности всего того, что носить на себѣ печать латинства, заноса въ длинный списокъ „латинскихъ ересей“ не только безразличныя особенности мѣстнаго обряда и случайныя темныя явленія частнаго быта, но и прямо небывалыя, почерпнутыя изъ ложныхъ слуховъ или софистически измышленныя „вины“. Важно отмѣтить, что развивавшаяся въ противоположность этому мысль о собственномъ православіи не чужда была у грековъ нѣкотораго оттѣнка національно-политической исключительности, такъ какъ въ греческомъ пониманіи, не допускавшемъ (по крайней мѣрѣ—въ идеѣ) полной не только церковной, но и политической самостоятельности народовъ, принявшихъ христіанство по восточному обряду, имя „ромеевъ“, т. е. ихъ—грековъ, сближалось съ понятіемъ „всѣхъ христіанъ“¹⁸⁾. Твердо вѣря наставленіямъ своихъ учителей и благоговѣя предъ великимъ греческимъ православіемъ, русскій человекъ привыкалъ считать латинство „горшимъ всѣхъ

¹⁸⁾ См. грамоту Константинопольскаго патріарха Антонія къ русскому в. князю Василю Дмитріевичу—въ Пам. древне-русск канонич. права, изд. подъ ред. проф. Павлова (VI т. Русск. Ист. Б-ки), прилож. с. 272.

ересей“, беречься „якоже гангрены“ латинскихъ обычаевъ и преданій, каковы бы они ни были, и даже въ обыденномъ быту не безъ воликихъ колебаній и лишь послѣ тщательнаго омовенія рѣшался употребить для ѣды ту посуду, изъ которой „латина ѣла“. Онъ исторически воспиталъ въ себѣ такую органическую нелюбовь къ этой „латинѣ“, что даже исконнаго врага рода человѣческаго начиналъ представлять себѣ въ образѣ католика—ляха и, по мѣткому выраженію современнаго историка, „кажется, меньше боялся утратить что-нибудь изъ своего православія, чѣмъ заимствовать что-нибудь изъ латинства“¹⁹⁾. Это обстоятельство имѣло, конечно, свою хорошую сторону, сдѣлавши для насъ не страшными соблазны польско-латинскаго католичества; но вліяніе чрезмѣрнаго предубѣжденія принесло и свой горькій плодъ, заставивши подозрительно отнестись къ православію самихъ грековъ послѣ того, какъ греческія власти, подъ давленіемъ политическихъ бѣдствій, сдѣлали несчастную попытку купить помощь католическаго запада цѣною церковнаго подчиненія первосвященнику стараго Рима. Попытка церковной уніи во Флоренціи (въ 1439 г.), какъ извѣстно, не имѣла успѣха и у самихъ грековъ; но смутныя и не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія объ этой „трагедіи достохвальной съ концомъ злымъ и жалостнымъ“, дошедшія до русской земли, произвели здѣсь сильное впечатлѣніе, сдѣлавши подозрительною для русскихъ людей чистоту греческаго православія. Послѣдовавшее вскорѣ потомъ паденіе Константинополя, взятаго турками (въ 1453 г.), прямо было признано наказаніемъ Божиимъ за то, что греки „пре-

¹⁹⁾ Проф. Ключевскій — цит. соч., стр. 6.—Для выясненія указаннаго взгляда нашихъ предковъ и современныхъ имъ грековъ на латинство и латинявъ главнымъ источникомъ служатъ многочисленныя полемическіе памятники, о которыхъ см. спеціальныя изслѣдованія А. Потова—Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемич. сочиненій противъ латинявъ (XI—XV в.), М. 1875 и А. С. Шилова — Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинявъ, СПб. 1878. Сверхъ того, объ этомъ предметѣ болѣе или менѣе обстоятельныя рѣчи ведутся въ соответствующихъ отдѣлахъ общихъ трудовъ по исторіи русской церкви (пресв. Макарія, проф. Голубинскаго и др.) и въ нѣкоторыхъ частныхъ изслѣдованіяхъ, такъ или иначе соприкасающихся съ предметомъ настоящей статьи.

дали православную вѣру въ латинство“²⁰⁾. Съ другой стороны, въ самомъ этомъ подчиненіи „поганымъ сыроядцамъ“ увидѣли новую опасность для православія, которое, по малодушію грековъ, никакъ не могло теперь не „испроказиться“ еще и „махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ“²¹⁾. А такъ какъ, по свѣдѣніямъ нашихъ книжниковъ, почти одновременно съ греческимъ и другія православныя царства—„сербское, басанское и арбаназское“—подпали подъ мусульманское владычество и подверглись той же опасности со стороны „махметовой прелести“, то становилось очевиднымъ, что лишь *одна русская земля остается теперь вѣрною хранительницею православной истины*. Провѣрять справедливость такого заключенія справками съ дѣйствительнымъ положеніемъ православія въ поработченныхъ странахъ считали, по-видимому, совершенно излишнимъ, да это—особенно на первыхъ порахъ—было и не легко въ виду наступившаго временнаго ослабленія и даже перерыва церковно-административныхъ связей съ востокомъ. Недовѣріе къ православію восточныхъ христіанъ, бывшее сперва *мѣрою церковной осторожности*, скоро

²⁰⁾ „Нынѣча, въ лѣта наша — писалъ къ своей наствѣ одинъ изъ тогдашнихъ русскихъ іерарховъ—и сами вѣстѣ, како погаными турки и нужнѣй одержимъ бытъ великый царствующей *прежде* благочестіемъ градъ Константинополь; не тоя ли же ради латынскія прелести погыбе и отъ великаго благочестія истребися, еже царь и патріархъ отъ латынъ прельстишася“ (Посланіе м—та Филиппа къ новгородцамъ въ 1471 г.,—Русск. Ист. Библ. VI, с. 728—9). Еще ранѣе, вслѣдъ за паденіемъ Константинополя, подобныя мысли высказывалъ м — ть Іона въ двухъ своихъ грамотахъ къ литовскимъ епископамъ (тамъ же, с. 623 и 648—9).

²¹⁾ Житіе Саввы Крыпецкаго.—*Ключевскій*, Древне-русскія житія святыхъ, стр. 228, М. 1871.—Подробнѣе о значеніи флорентійской уніи и паденія Константинополя для установленія взгляда тогдашнихъ русскихъ людей на современныхъ грековъ см. въ изслѣдованіи *проф. Кантерева*—Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церк. обрядовъ, вып. 1, стр. 23—32; ср. *его же*—Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку въ XVI и XVII в., стр. 5—11, М. 1885, и *проф. Е. Голубинскаго*—Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами (Богосл. Вѣст. за 1892 г., янв. стр. 62—74; 1895 г. мартъ стр. 141 sq и апр. стр. 454—466); объ ошибочности и неосновательности отрицательнаго древне-русскаго (а потомъ раскольническаго) взгляда на греческое православіе см. *его же* брош. подъ тѣмъ же саглавіемъ, М. 1896 (изъ Чтеній въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за указ. годъ).

превратилось въ *привычку*, а лежащая въ его основѣ мысль получила характеръ неоспоримой истины. Такъ постепенно, совокупностью историческихъ обстоятельствъ, въ сознаниі русскіхъ людей сложилось представленіе о своемъ одиночествѣ въ православномъ мірѣ, и вселенская Церковь сгузилась до географическихъ предѣловъ русской земли ²²).

Безъ сомнѣнія, въ этомъ представленіи о своемъ одиночествѣ въ православномъ мірѣ было и вѣчто пріятное для русскаго національнаго чувства : народу, издавна привыкшему высоко цѣнить (хотя и не научившемуся ясно *понимать*) христіанскую вѣру, пріятно было сознавать, что именно онъ, народъ позже другихъ начавшій свою христіанскую жизнь, оказался наиболѣе вѣрнымъ и даже *единственнымъ* носителемъ православной святыни ²³). Тѣмъ дороже становилась теперь для него эта святыня и тѣмъ заботливѣе долженъ былъ подумать онъ о ея неизмѣнномъ сохраненіи. Мы уже видѣли раньше, что по общему характеру своей религіозности русскій человекъ вообще мало былъ способенъ различать вѣдшее и временное въ христіанствѣ отъ существеннаго и вѣчнаго, что измѣнчивыя формы церковно-богослужебнаго обряда весьма легко сближались и отождествлялись имъ по значенію съ вѣчными истинами христіанской вѣры. Теперь эта и безъ того уже преувеличенная привязанность къ мелкимъ подробностямъ обрядоваго преданія должна была сказаться еще замѣтнѣе подъ вліяніемъ указанныхъ историческихъ обстоятельствъ и вызванныхъ ими настроеній и чувствъ. Если Русь осталась единственною хранительницею православія во всемъ мірѣ, то

²²) Проф. Ключевскій—Западное вліяніе, стр. 59.

²³) Эта мысль нашла себѣ одушевленное, не лишенное даже поэтическихъ красокъ выраженіе въ одномъ изъ сочиненій, написанныхъ по поводу флорентійской унии и не особенно много послѣ нея,—разумѣемъ „Слово избрано еже на латыню и сказаніе о составленіи осмаго собора латыньскаго“. „Нынѣ убо, въ (последнихъ) временахъ богопросвѣщенная земля русская святымъ правленіемъ Божіихъ церквей,—читаемъ мы здѣсь—тобѣ подобаетъ въ вселеннѣй и подѣ солнечнымъ сіяніемъ съ народомъ истиннаго въ вѣрѣ православія радоватися, одѣваясь свѣтомъ благочестія, имѣя покровъ Божій на собѣ многосвѣтлую благодать Господню, исполньшеся цвѣтовъ богозрачнѣ цвѣтущихъ—Божіихъ храмовъ, якоже небесныхъ звѣздъ сіяющихъ св. церквей...“ (Поповъ А. Историко-литерат. обзоръ древне-русск. полемич. сочиненій, стр. 394—5).

она и должна сохранить вѣренную ей святую во всей неизмѣнности, полнотѣ и чистотѣ, безъ всякихъ приложений или переменъ. Вѣдь достоинство привычныхъ формъ благочестія, издавна усвоенныхъ понятій уже оправдано опытомъ; наоборотъ—еще не извѣстно, къ чему поведетъ то или другое, хотя бы и не важное по видимому, „новшество“. „Своему разуму вѣрующій удобъ впадаетъ въ ереси различны“, а потому надежнѣе держаться того, что есть: „не прелагай предѣлъ вѣчныхъ“, „до насъ положено—лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ“,—вотъ тотъ окончательный выводъ, къ которому прямымъ путемъ шла русская мысль, направляемая событіями. Принципъ *неподвижнаго преданія* получилъ, такимъ образомъ, рѣшительное преобладаніе надъ *постоянной полнотою внутреннихъ силъ Церкви*, и вѣрный критерій *вселенскаго сознанія* подмѣнился сомнительнымъ признакомъ *старины*. Не трудно предугадать, что и самый этотъ признакъ будетъ принятъ нашими предками не во всей широтѣ: зачѣмъ имъ было обращаться къ опыту религіозной жизни другихъ христіанскихъ народовъ, хотя бы и входившихъ въ составъ вселенской Церкви, когда вся полнота неподвижнаго и неизмѣннаго православія дана въ своемъ собственномъ церковно-историческомъ прошломъ?

Въ указанномъ двоякомъ потемнѣніи вселенской церковной идеи—въ пространствѣ и времени—выразился съ полною ясностію начинавшійся процессъ *націонализаціи вѣры и Церкви* на Руси. Историческія обстоятельства, опредѣлившія собою послѣдовательный ходъ нашего религіознаго и національнаго сознанія, установили въ пониманіи русскихъ людей тѣсную связь православной вѣры съ народностью, и эта связь, благодаря своей исключительности, привела къ обоюдному смѣшенію двухъ по существу различныхъ сторонъ жизни. Слова „православный“ и „русскій“ стали синонимическими, и если, съ одной стороны, понятіе православія вошло, какъ необходимый элементъ, въ сферу національнаго сознанія, то съ другой—различныя особенности мѣстнаго обычая, своеобразныя черты нравовъ и быта, хотя бы онѣ совсѣмъ и не входили въ религіозную область, нерѣдко прикрывались именемъ православія. Къ концу XV в. сліянiе религіи съ національностью въ заявленіяхъ русскихъ людей пріобрѣтаетъ уже явный отпечатокъ *націо-*

нализма — горделиваго самопревозношенія и исключительности. Послѣдующія полтора столѣтія довершили начавшійся процессъ и довели религіозное сознаніе значительной части русскихъ людей до той степени націоналистической обостренности, при которой оно становилось уже совершенно неспособнымъ посить въ себѣ жизненныя основы вселенскаго православія. Къ изложенію тѣхъ любопытныхъ явленій нашего прошлаго, въ которыхъ выразился этотъ ростъ націонализма, и тѣхъ послѣдствій, къ какимъ привелъ оупъ русскую жизнь, мы и обратимся теперь.

И. Громогласовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
